

ПО ДАВНИМ ПРАВИЛАМ ТВЕРСКОЙ

Соб. культура. — 1989, — 10 янв. — 7. 6

Здравствуй, Игорь Петрович!

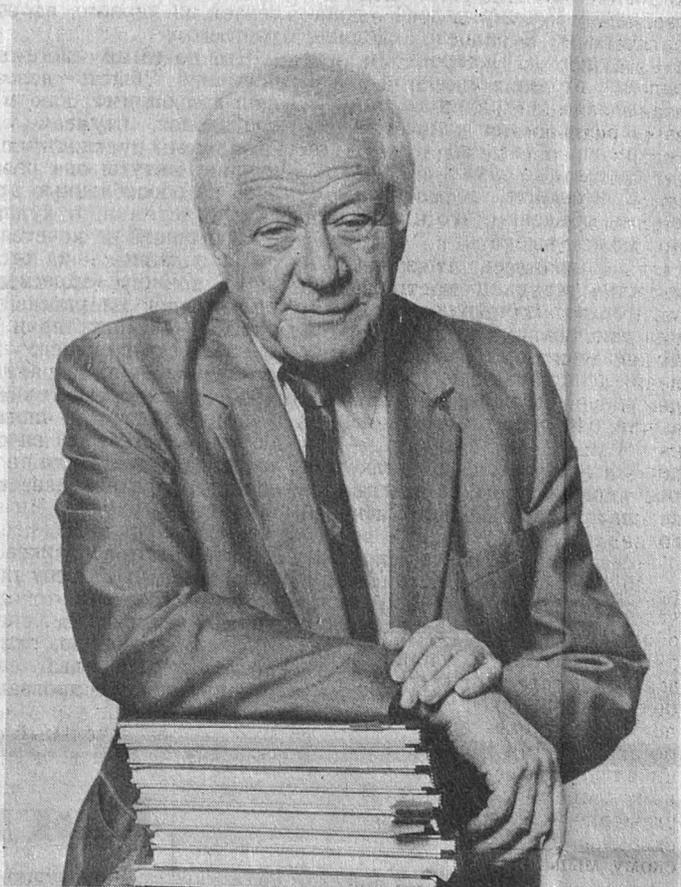
У Вас — «круглая дата». Как полагается приветствовать юбиляра, известно: ему вкратце рассказывают его же биографию. «Вы родились в семье потомственных интеллигентов»; «любовь к сцене заставила Вас оставить избранную было профессию и вступить на тот путь, который...»; «ощутив свою творческую независимость, Вы рискнули уйти из знаменитого театра, где начинали с успехом... С такого-то года Вы возглавляете... С Вашим именем связаны высшие достижения таких актеров, как... Несомненны Ваши заслуги в таком новом для русского театра жанре, как...». Не нарушу традиции и сообщу Вам: «Вы играете профессора Преображенского в инсценировке «Собачьего сердца» М. Булгакова, которую поставил в Театре имени Ленсовета приглашенный А. Морозов».

У нас не принято писать, в какой мере актер по внешним данным подходит или не подходит к роли. У Игоря Владимировича есть статья и порода, позволяющие именно так, как присуще профессору из повести Булгакова, носить великолепную («шалыпинскую») шубу; так — откинув назад — держать великолепную голову; так — зная, что дверь сама откроется, — входить и выходить. Настоящий барин, сказали бы мы, если бы актер не улавливал в персонаже еще и личные преимущества недворянского происхождения профессора Преображенского. Ничего похожего на дворянский комплекс вины. С листьев пальмы или «золотого дерева» (если они еще уцелели на лестничной площадке дичающего калабуховского дома) на него уж точно не глядят те глаза, которые, как говорится в «Вишневом саде», на владельцев усадьбы глядят с каждого листа в аллеях: «Вы живете в долг на чужой счет, на счет тех людей, которых вы не пускаете дальше передней». Профессор Преображенский вполне неколебим в своей уверенности, что не всех надо пускать дальше передней; в должниках перед теми, кого не пускает, не чувствует.

Игорь Владимирович угадывает не только юмор, но и смелость булгаковской любви к калошной стойке, исчезнувшей из подъезда калабуховского дома, к чистому и теплему сортиру, к тем самым графин-

1 января художественный руководитель Театра имени Ленсовета, народный артист СССР Игорь Владимирович справил свое 70-летие. Дабы не растворять юбилейного чествования в новогодних здравницах, «Сцена» решила выдержать небольшую театральную паузу и приносит свои поздравления десять дней спустя. За эти дни (как и за предшествующие годы) наши чувства к юбиляру не стали менее теплыми, но зато пауза под-

сказала форму их выражения. Мы отваживаемся — только для этого случая! — возродить традиции комплиментарной критики и публикуем театральную рецензию с отзвуками поздравительного адреса. Надеемся, что ни юбиляр, ни читатели не будут за это на нас в обиде — комплиментарность и искренность соединяются вместе так редко, что мы просто не могли упустить случай их познакомиться между собой...

чикам или кувшинчикам со сливками, которые Чехова внезапно томили и оскорбляли (смотри «Учителя словесности», смотри «Невесту»). Игорь Владимирович угадывает смелость булгаковского неприятия всякой «перевернутости», задевающей дом. Можно заметить, что это смелость не только по отношению, скажем, к «Комсомольской правде» двадцатых годов; Булгаков оппонировал не столько ей, сколько Чехову и Блоку с их темой дома, из которого должно уйти, с их темой музыки-стихии, которой надо отдаться. Музыка для Булгакова драгоценна, но

именно как музыка в доме: ноты «Фауста» на рояле в гостиной, звуки «Аиды» в алозолотом Большом. Дом нельзя оставлять; нельзя даже посягать на абжур: «Никогда не сдергивайте абжура».

Профессор Преображенский, как его играет Владимирович, — живое воплощение устойчивости быта, могучего уюта. На том и держится жизнь, что в столовой обедают, в спальне — спят, в операционной — оперируют, а унитазом пользуются аккуратно по назначению. Преображенский — Владимирович почти жалостливо смотрит на коллегу Борменталю, кото-

рый элементарному безобразию видит историческое оправдание. Рассуждение о том, что такое разруха, у Преображенского не сейчас рождается. Это его проверенная острота и это его проверенное убеждение.

Реакция зала — восторженная и соглашающаяся — рождена блеском текста и обаянием актера — несомненно. Но и социолог нашел бы тут отличный материал, чтобы разобраться в ценностных переориентировках публики.

Я бы посмела расписаться в том, что мне все же ближе и Чехов, и, допустим, Лев Толстой, который описывал одного своего персонажа — «человека очень твердых убеждений»: «Убеждения графа Ивана Михайловича с молодых лет состояли в том, что, как птице свойственно питаться червяками, быть одетой пухом и перьями и летать по воздуху, так и ему свойственно питаться дорогими кушаньями, приготовленными дорогими поварами, и быть одетым в самую покойную и дорогую одежду, ездить на самых покойных и быстрых лошадях, и что поэтому это все должно быть для него готовым... Все же остальное в сравнении с этими основными догматами граф Иван Михайлович считал ничтожным и неинтересным». Но не место здесь спорить. Вски доводы, по которым Булгаков сегодня влиятельнее Толстого. И вдвойне вски доводы, по которым зал «Собачьего сердца» в спектакле Театра имени Ленсовета настроен против людей в коже, являющихся «уплотнять» профессора и воодушевляющих бывшего Шарика на борьбу за свои права в качестве товарища Шарикова. Сейчас я хочу сказать лишь об актере, который, лепя лицо неопровержимо живое, предоставляет мне свободу восприятия и понимания.

Прелесть исполнения еще и

в том, что Игорь Владимирович ничуть не интересуется подстановками-расшифровками, которыми так часто соблазняются иные. Можно вспомнить многое: от сопроводительных текстов — «ключей», которыми любители снабжают «Театральный роман» (Иван Васильевич — ... Миша Панин — ... Пряхина — ...), до статьи о «Собачьем сердце» в эмигрантском журнале, где Шариков истолкован как Сталин, Борменталь — как Троцкий, а прислуга Зина — как Г. Е. Зиновьев. Игорь Владимирович играет вне всего этого.

Можно было бы строить спектакль и роль на противоречии: ведь этот Преображенский, воплощенное обаяние житейского консерватизма, сам ежедневно покушается на законы природы. Его конек и его слава — он омолаживает людей, и вокруг него вьются премерзкие старички, чающие стать призовыми любовниками. А тут еще и эта операция, умеющая превратить дворнягу в человекоподобное. Но тема науки как насилия над природой, тема, связующая «Собачьего сердца», скажем, с «Островом доктора Моро» Уэллса, тема мести уродливого создания своему всемогущему создателю у Игоря Владимировича не находит сколько-нибудь сильного творческого отзыва. Вообще он играет не тему, не концепцию, — он создает лицо. Чем, думаю, и близок театральный вкусам автора повести.

Игорь Владимирович в спектакле, явно перегруженном и приемами, и концепциями, и красками, с внутренним покоем играет талантливого профессора, старожилу квартиры в Староконоушенном, меломана, баловня, живую московскую достопримечательность. Одного из тех, кому на Тверской приходилось отвечать на поклоны незнакомых — так все кланялись на улице Качалову, Алексею Карповичу Дживелегову, профессору-античнику Сергею Ивановичу Радцигу, знаменитому детскому доктору Ланговому.

Я хочу воспользоваться этим давним правилом московских улиц и при том, что не имею чести считать себя Вашей знакомой, закончить это письмо:

Здравствуй, Игорь Петрович! Вы прекрасно выглядите! Поздравляю с юбилеем, Игорь Петрович!

Инна СОЛОВЬЕВА.

● Народный артист СССР Игорь Владимирович.

Фото В. Плотникова.